

Ширь и загвоздка

К 85-летию А. И. Солженицына

Случилось так, что Александр Исаевич Солженицын запечатлелся в моём сознании неотторжимо от Роберта Александровича Штильмарка. Стоит прийти на ум одному имени, как сей же миг захватывает мысли и второе. Вспомнишь «Один день Ивана Денисовича» — память тут же и затянет в приключения «Наследника из Калькутты». Теперь это, должно быть, для кого-то странно. Но то — теперь. А тогда я, восьмиклассник, просто очень любил читать и уважал другого страстного книгочеловека и незаурядного человека, которого звали Женя Непочатых.

Шли на убыль шестидесятые, я жил в российском провинциальном городе, и Женя, мрачно-сентиментальный, лет под тридцать сосед брал у моего отца почитать «толстые» журналы. Однажды, возвращая «Один день Ивана Денисовича», Женя с чувством сказал: «Не дай Бог быть жертвами культа!» Ему самому довелось «похлебать казённого». И хотя все вокруг знали, что сидел он за грабёж с нанесением жертве телесных повреждений, на меня и на моих друзей-подростков производила сильное впечатление его вдохновенная фраза: «Я своё отбыл за права-аа!» Автор рассказа, покоровшего Женю, восхищал его тем, что «тоже отбыл!», «под дулом ходил».

Не спеша отдать мне журнал, бережно поглаживая его обложку, Женя произнёс: «Человек настрадался и изобразил характерно правдиво». Вызванный, таким образом, на разговор об «Одном дне», я был вынужден со стыдом признаться, что ещё не читал рассказ. Мой сосед удалился, чтобы вскоре прийти с потрёпанной книгой в руках.

«Прочти то и это! — строго сказал он и, глядя мне в глаза, добавил тихо, со значением: — Человек тоже сидел». Во вручённой мне книге, а ею оказался роман Роберта Штильмарка «Наследник из Калькутты», не было ни слова о несчастливой полосе в жизни автора. Женя Непочатых, однако, рассказал мне, что привелось ему услышать и что, в основном, подтвердилось впоследствии. Как политзаключённому Штильмарку пришла идея создать роман и тем заслужить досрочное освобождение. Мысль оценил лагерный бригадир, выдвинувший условие: если он будет указан как соавтор, то даст Штильмарку возможность творить. Непросто было родиться роману в сталинском лагере, но через невероятные усилия, вопреки сложностям быта и всем помехам, книга родилась. Разумеется, она не свободна от идеологии (обличения эксплуататоров, акцента на борьбе за свободу), но меня и моих друзей пленили дух риска, приключения в обстановке авантюрного XVIII века, моря-океаны...

В квартире Жени Непочатых происходило пылкое обсуждение романа, и, когда хозяин возвращал нас к «Одному дню Ивана Денисовича», реакцию на это можно было бы назвать вялым вздохом. То, что «Наследник» интереснее, не подле-

жало сомнению. Пираты, заговорщики, сыщики! Африка, Италия, Англия... эта удивительная заграница... Ну можно ли сравнивать?

Женя признавал, что чары романа необоримы, но вступался за честь автора «Одного дня»: «Не все такие образованные. Может, если бы Солженицыну маленько подучиться, и он написал бы не хуже».

Учась в университете, я вспоминал это тем чаще, чем регулярнее встречал имя Александра Исаевича в газетах. Его поносили, кампания набирала обороты. И вот как-то один студент сказал мне шёпотом: «Ну да, антисоветчину пишет... а Нобелевскую премию в пользу Вьетнама отдал!» Вскоре и от других я услышал то же. Клеветник-то, мол, клеветник — однако же всю свою Нобелевскую премию передал Вьетнаму, разорённому американцами.

В это почему-то сразу и легко поверилось. Помню, те, с кем я говорил, странным образом нисколько не сомневались в факте. Когда я приехал домой на каникулы и сообщил новость Жене Непочатых, он тоже безоговорочно принял её за истину. Лицо его, обычно решительное, сделалось изумлённо-скорбным.

— А ведь как мог пожи-и-ть!.. — было произнесено с растягом «и» в остром и глубоком сожалении.

Человек крепкий, полнокровный, весьма ценивший случай побывать в ресторане, Женя, думаю, потом не раз рисовал в воображении, как продуктивно мог бы истратить премию Александр Исаевич. А в тогдашнем первом на эту тему разговоре я услышал: то-то «Наследник» интереснее «Одного дня»!

«Роберт Штиль, — с подъёмом произнёс Женя, — уж пожи-и-л бы!.. Но, — добавил мой друг угрюмо, — кто может, тому не достаётся».

Я заметил, что в поступке с премией есть ширь. Друг как бы и согласился: «Ширь...» Затем улыбнулся долгой задумчивой улыбкой, которую заключил с отчётливой жёсткостью: «И загвоздка!» Я любопытствовал, какая. «А та, что второй раз такую премию не дадут!»

С тех пор «загвоздка» нет-нет да и напомнит о себе. Погружаешься вглубь творчества Александра Исаевича: какая ширь, какой охват проблем! А тут что-то и царапнет... Вот, скажем, «Размышления над Февральской революцией», «Красное колесо», ну и новейшее исследование «Двести лет вместе»... Ладно бы уж — не беспокоил автора национальный момент. Но — беспокоит! Причём своеобразно. Если в истории России роль одного «некоренного» народа привлекает внимание Александра Исаевича, то роль другого, к которому я, немец, принадлежу, — не интересует, похоже, вовсе (что оскорбительно). Неужели неведомо Солженицыну, что когда Александр I спросил Ермолова, чем его наградить, тот ответил: «Государь, произведите меня в немцы!»

А что писал Достоевский о «фаворизированном племени», которого «в России числится по календарю несколько сот тысяч»? Оно «и само не знает, что составляет в ней всю свою массу один строго организованный союз. И, уж разумеется, союз не предумышленный и не выдуманный, а существующий в целом племени сам по себе, без слов и без договору, как нечто нравственно обязательное, и состоящий во взаимной поддержке всех членов этого племени одного другим всегда, везде

и при каких бы то ни было обстоятельствах». «Андрей Антонович фон Лембке принадлежал к тому фаворизированному (природой) племени».

Славный генерал Скобелев не скрывал своего уязвления тем, что немцам в России отменно удаётся карьера. А и, в самом деле, обратиться хоть к той же русско-японской войне, отозвавшейся революцией 1905-го. Накануне войны — кто русский посланник в Токио? Барон фон Розен. В ближайшем к Порт-Артуру китайском городе Чифу находилось русское консульство, консул здесь — Тидеман. Министр же иностранных дел России — граф Ламздорф. Тихоокеанской эскадрой в начале войны командовал адмирал Старк (впрочем, он не немец, он из шведов, а это для русского человека совсем другое дело). Старка сменил Макаров, который через пять недель погиб, и во главе эскадры встал адмирал Витгефт. Когда его убил японский снаряд, командование перешло к Роберту Николаевичу Вирену. Тралением, очисткой от мин рейдов Порт-Артура руководил Рейценштейн. После того как японцы сокрушили флот, в его восстановлении отличился барон Эссен.

Что в сухопутных войсках? 2-й Маньчжурской армией командовал Гриппенберг, которого заменили бароном Каульбарсом. Отход армии после Мукденского сражения прикрывала дивизия под началом Гершельмана. Каульбарса на посту командующего армией сменил барон Бильдерлинг. Военным министром в ту пору был Редигер.

Неувядаемой славой покрыли себя защитники Порт-Артура. Кто ими командовал? Стессель. На самой важной позиции под названием Высокая Гора обороной руководил генерал Ирман. Когда гарнизон всё-таки был вынужден капитулировать, хлопоты по сдаче возложили на генерала Фока. Через несколько лет отношения с Японией потеплели, японцы воздвигли памятник защитникам Порт-Артура — на открытие прибыл русский генерал Гернгрос.

Другая война: Первая мировая. В 1914 году из шестнадцати командующих русскими армиями семеро носили немецкие фамилии и один — голландскую. Одни только остзейские (прибалтийские) немцы составляли четверть русского офицерства.

Так неужели таких генералов, как М. В. Алексеев и Н. В. Рузский, не посещала мысль изменить положение? Момент, благоприятнее которого не будет: война с Германией. При ненависти масс ко всему немецкому, при злобе на царицу-немку — и не попытаться сменить власть: покровительницу «фаворизированного племени»? Александр Исаевич отмечает: после известия о волнениях Февраля «главнокомандующие генералы телеграфно столковывались, как стеснить» царя «к отречению...»

Что же ими двигало?

«Такое единое согласие всех главных генералов нельзя объяснить единой глупостью или единым низменным движением, природной склонностью к измене, задуманным предательством», — пишет Александр Исаевич. Чем, однако, объяснить можно, так «только элементом всеобщей образованной захваченности мощным либерально-радикальным (и даже социалистическим) Полем в стране».

Под ним, «Полем», которое «струилось сто лет», подразумеваются антигосударственный радикализм, умствования интеллигенции, настроения «городской общественности». Силовые линии Поля «густились — и пронизывали, и подчиняли все

мозги в стране, хоть сколько-нибудь тронутые просвещением, хоть начатками его». Поселялись в мозгах мысли о вреде самодержавия, об отсутствии свобод, о социальной несправедливости... А мысли о племени, к которому столь благоволил династия, не поселялись.

Неужели же нет? Почему? Не раздражало, не обижало русских военных, из поколения в поколение, то, что немцам в России неизменно сопутствует успех? Говоря о разных оттенках недовольства, возмущения властью, как было не упомянуть Александру Исаевичу и о недовольстве этого, особого рода?.. Но тогда не миновать разговора: а не являлась ли Россия поднемецкой страной? Загвоздка, имеющая прямое отношение к национальной гордости великоросса... Понять чувства Александра Исаевича можно. Вполне! Ну, а кто понял бы меня, так это Роберт Александрович Штильмарк.